

который называл его своим любимым учеником. Это — кандидат геолого-минералогических наук, доцент кафедры общей и морской геологии Борис Борисович Муха. Он сообщает мне интересные сведения. В частности, о том, что в 1969 году палеонтологический музей и подземный заводник, директором которого являлся Грицай, были представлены на Выставке достижений народного хозяйства, а Тимофей Григорьевич в дополнение к его боевым наградам был удостоен серебряной медали ВДНХ. Специальным приказом тогдашнего министра просвещения СССР Прокофьева ему было присвоено звание старшего научного сотрудника Института зоологии Академии наук Украины.

Прошу Бориса Борисовича рассказать о чисто человеческих чертах "короля одесских катакомб".

— За внешней суровостью Грицай, — говорит мой собеседник, — скрывалась добрая, я бы даже сказал, трогательно-нежная натура. Он всегда стремился прийти на помощь людям. И все, кто знал Тимофея Григорьевича, испытывали к нему огромное уважение.

Грицай любил жизнь во всех ее проявлениях, как истый одессит, он обладал чувством неиссякаемого юмора, был гурманом... Обедая, например, в столовой, Грицай обычно начинал обед... с компота. "А вдруг придется прервать обед, так надо вначале отведать самое вкусное", — говорил он при этом.

В катакомбах Тимофей Григорьевич угощал своих друзей напитком собственного изобретения. Для мужчин это был продававшийся с любым гастрономом (Грицай предпочитал "Центральный" — он был ближе к университету) тонизирующий напиток под названием "мокко", к которому добавлялся спирт, а для женщин — виноградный сок, с тем же спиртом (конечно, в щадящем варианте!). Об этом напитке — его называли "грицаёвка" — долго и с удовольствием вспоминали в Москве и Ленинграде, Киве и Баку...

Однажды знаменитую "грицаёвку" попробовал и высоко оценил знаменитый Тарапунька (Юрий Тимошенко), когда он в Одессе снимался в нашумевшем фильме "Зеленый фургон".

"Все могут короли!" — поет наша несравненная примадонна Алла Борисовна. "Король одесских катакомб" Тимофей Григорьевич Грицай — не был исключением среди прочих королей. Грицай тоже многое мог, но главное — он СМОГ раскрыть тайны подземного мира, а это, согласитесь, совсем не мало...

И мы благодарны ему за это.

"Меня не покидало щемящее чувство тоски по Родине"

Франция, 1925 г. В Париж приезжает молодой человек 16-ти лет. Позади поспешный отъезд из родового имения Курской губернии, годы учебы в курской советской школе, оформление документов во французском посольстве в Москве.

Впереди огромное количество интересных знакомств: Цветаева, Эфрон, Корсавин, Бальмонт, Бунин, Зайцев, Бердяев, Лосский, мать Мария Скобцова, советский посол Богомолов, семья Угримовых, Кривошеиных, Ковалевских. Всех не перечислить. Годы занятий в высших учебных заведениях, работа в крупном издательстве "Атье", участие в движении Сопротивления. Его принимают в интеллектуальных французских кругах. В то же время Н.А. Полторацкий всегда находится в водовороте церковной и общественной жизни русской иммиграции: секретарь Русского союза студентов, член РСХД (Русский союз христианского движения), тех. секретарь Религиозно-философской академии, возглавляемой Бердяевым, секретарь Благочиннического совета русских приходов во Франции, начальник Братства св. Фотия в 1946-1948 гг.

"Первый год было очень интересно, — вспоминал мой отец. — А потом на протяжении 21 года меня не покидало щемящее чувство тоски по Родине". В 1946 г. он один из первых принимает советское гражданство, а в 1947 г. прибывает в Москву из Парижа в составе делегации Западноевропейского Экзархата Московской Патриархии в тогдашнем своем качестве начальника Братства св. Фотия. В 1948 г. по приглашению Патриарха Алексия приезжает на церковную работу в Советский Союз, работает преподавателем в Одесской духовной семинарии и переводчиком в отделе Внешних церковных сношений Московской Патриархии. Награжден церковными медалями.

Я перечислила основные точки жизни Н.А. Полторацкого. А где же запятые, подумала я, разбирая его архив. Листаю документы, дореволюционные и после, весь французский и советский период, читаю огромное количество писем. От кого и кому! Когда опубликую, то прочтете. Рассматриваю фотографии, читаю расшифрованные моей дочерью Катей магнитофонные записи. От гордости раздуваюсь, т. к. понимаю, что являюсь обладательницей уникального архива. К примеру, документы по Братству св. Фотия потеряны во Франции. А он сохранил! Далее вчитываюсь в материалы, начинаю анализировать — и вот тебе, пожалуйста.

Начнем сначала. Было Николаю Алексеевичу три месяца, когда умер отец, т. е. рос он без отца. Оба дяди затерялись на фронтах гражданской войны (на разных, естественно). Затем Курск. Он говорил, когда кто-то умилялся по поводу белых: "Ах, оставьте. Все были хороши. Что белые, что красные". А Франция? Насколько ласково она простерла свои объятия? Материально было очень тяжело. Жили скромно. Мать шила, Коленька

(как она его называла. — **А. П.**) работал на стройке, учился. Перед войной, в период репрессии, отец рассказывал, что у него не было одного су на метро, и он ходил через весь Париж пешком. Во время войны попал в гестапо, правда, ненадолго. Вышел. Нервы были крепкие, всегда полагался на волю Божию. Верил в Бога глубоко, без ханжества. Уважал разные вероисповедания, не допускал антисемитизма. А здесь, приехав на горячо любимую Родину, получил сразу же оплеуху. Спасибо, что не посадили. Ехал же он преподавать в Московской духовной академии, а его направили в Одессу. Сам Патриарх Алексей сказал: "Они там Вас не хотят" (т. е. власти. — **А. П.**). Проработал два года в Одесской духовной семинарии, а тут ему и говорят: "Нет для Вас часов". Живет большую часть года в Москве, работает переводчиком в отделе Внешних церковных сношений (считается одним из лучших переводчиков богословских трудов на то время). Чтоб не думал, что все замечательно, жену увольняют с преподавательской работы из Политехнического института с формулировкой "потенциально идеологически невыдержанный элемент". Он же — реиммигрант и церковник. Живут в долг.

Перелистываю ходатайства на имя высших церковных иерархов по поводу его восстановления на работе в Одесской семинарии. Но не они решают, кто и где должен работать. Все решал уполномоченный по делам религии. Впоследствии, после неоднократного вмешательства Патриарха Алексия, все утряслось.

Вот вам и запятые. Все это я акцентировала, т. к. пережила вместе с отцом и его боль, и огорчения. А мне всегда казалось, а, может быть, это было и на самом деле, он, мой отец, принимал все эти неурядицы не то чтобы как должное и необходимое, а всегда без видимого уныния и с верой в промысел Божий. У него был внимательный, умный взгляд, крепкое рукопожатие и очень большое доброе сердце. Он был замечательным рассказчиком и прекрасным собеседником, а еще он потирал руки так, как никто не может.

Воспоминания Николая Алексеевича Полторацкого (отрывок из них предлагался читателям Альманаха) зафиксированы на магнитофонных пленках; его доклады, статьи, письма, фотографии, документы представляют интерес для нас, так как они отражают жизнь русской иммиграции, а также повествуют об интересах интеллигенции в советское время.

По предложению настоятельницы женского Свято-Михайловского монастыря матери Серафимы Литературный музей готовит книгу по материалам архива Полторацкого, в нее войдут также рассказы его друзей с воспоминаниями о нем.

Анна ПОЛТОРАЦКАЯ

Николай ПОЛТОРАЦКИЙ

"ЛОВЕЦ ЛЮДЕЙ, ИХ СПУТНИК И УЧИТЕЛЬ"*

Одним словом, я курский помещик 1909 года рождения, русский, по происхождению немного француз. Моя родословная, как и всех других Полторацких дворян, восходит к Марку Федоровичу (сыну протоирея Федора Филипповича Полторацкого), который был вызван графом Разумовским из Черниговской губернии в Петербург и после получения музыкального образования стал директором Придворной певческой капеллы, ныне капеллы имени Глинки, в которой в эти годы находился Сарти и другие.

"Изучив выдержку из книги Лобанова-Ростовского, я смог установить родословные данные касательно Курской ветви рода Полторацких, которая почему-то оказалась скудна на имена.

За № 6 выписки о роде Полторацких значится Федор Маркович, полковник, род. 1864 г. У него значатся сыновья Александр, Евгений, Юрий и дочери Елизавета, Надежда, Софья и Аделаида.

Однако, у Федора Михайловича был еще и сын Алексей, которому отошло имя Доброхотово Фатежского уезда Курской области, а гостиница в г. Курске (теперь "Интурист", но которая старожилыми до сих пор называется гостиницей Полторацкого) досталась его дочери Надежде Федоровне, замужем за графом Карлом Лукьяновичем Монтезоро. Что получили другие сыновья и дочери, я от своих родителей не помню. Знаю только, кто-то из них получил имя Отрешиково, кажется, в Дмитриевском уезде.

У Алексея Федоровича Полторацкого было два сына: Федор Алексеевич (оставшийся бездетным) и Николай Алексеевич (умерший в конце XIX в. в возрасте 50 лет), а также дочь Елизавета Алексеевна, первым браком замужем за Ильиным, а вторым — за бароном Кронбергом. Она умерла в 1917 г.

У Николая Алексеевича Полторацкого был сын (мой отец) Алексей

*Отрывок

